

*И. А. Есаулов, Ю. Н. Сытина**

**«МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК» ДОСТОЕВСКОГО
В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ:
МЕЖДУ «ВЕЩЬЮ» И ЛИЧНОСТЬЮ****

В статье на примере интерпретаций образа героя первого опубликованного произведения Достоевского — Макара Девушкина из «Бедных людей» — рассматриваются различные подходы к изучению творчества Достоевского и русской литературы как таковой. Интерпретации образа «маленького человека» вообще и Макара Девушкина в частности можно разделить на те, что объективируют его и рассматривают как вещь, воспринимают функционально (как иллюстрацию «гуманизма» русской классики и т. д.), и на те, что относятся к нему как к личности, так или иначе учитывая, что человек, даже «маленький человек», не может быть вполне объективирован, овнешнен, обезличен, т. е. как бы выведен за пределы христианского представления о человеке. В русской литературе — в ее магистральном векторе — «маленький человек» вовсе не является «вещью»: «простым», т. е. одномерным, существом, которое, будучи вполне объективировано, словно бы лишено божественного Лица.

Ключевые слова: Достоевский, «маленький человек», «Бедные люди», интерпретации, христианский реализм, критический реализм, личность.

I. A. Esaulov, Yu. N. Sytina

*DOSTOEVSKY'S "LITTLE MAN" IN HISTORICAL AND LITERARY PERSPECTIVE:
BETWEEN THE "THING" AND THE INDIVIDUAL*

The article gives the interpretation of the image of Makar Devushkin from Dostoevsky's "Poor People". This work is the first published work of Dostoevsky. Approaches to the study

* Есаулов Иван Андреевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской классической литературы и славистики, Литературный институт им. А. М. Горького; jesaulov@yandex.ru;

Сытина Юлия Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы, Московский государственный областной университет; yulyasytina@yandex.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-90002 «Достоевский: pro et contra. Систематизация источников и анализ ключевых подходов к осмыслению Достоевского в отечественной культуре».

of this work represent approaches to the study of all the works of Dostoevsky and Russian literature. The authors of the article divide the interpretation of the image of the “little man” into two groups. Researchers from the first group consider the hero as a thing, perceive it as a function (as an illustration of the “humanism” of the Russian classics, etc.). Researchers from another group treat the “little man” as a person. They take into account that a person, even a little man, can not be completely objectified, devoid of personality, i. e. taken beyond the limits of the Christian concept of man. In Russian literature — in its main vector — the little man” is not a “thing”: “simple”, i. e., a one-dimensional being. Every person reflects the divine Face.

Keywords: Dostoevsky, “little man”, “Poor People”, interpretations, Christian realism, critical realism, personality.

До сих пор в изучении русской литературы доминирует тенденция одномерного понимания «маленького человека», который будто бы и символизирует «гуманизм» классической русской литературы. Считается, что фраза «Все мы вышли из “Шинели” Гоголя», авторство которой приписывали то Ф. М. Достоевскому (в беседе с М. де Вогюэ), то самому Вогюэ, акцентирует несомненный приоритет изображения «маленького человека» для новой русской литературы, по крайней мере, с 40–60-х гг. XIX в. Хотя, например, И. С. Шмелёв, тоже отдавший дань в раннем своем творчестве изображению «маленького человека», позже подчеркивал, что новая русская литература вышла не из гоголевской «Шинели», а «из духовной сущности русского народа, из томлений его по “правде Божией” на земле...» [28, с. 543]

Если мы вспомним истоки возникновения темы «маленького человека», то сам историко-литературный материал будет сопротивляться одномерности сугубо «гуманистического» его истолкования: например, уже у Пушкина «маленький человек» Самсон Вырин, помимо понятного читательского сочувствия, обнаруживает некую многомерность (и даже своего рода тиранство, будучи не готов «отпустить» свою «заблудшую овечку», не желая принимать ее собственного счастья с Минским, см.: [11]). Гоголевский же Акакий Акакиевич из безропотной «жертвы» социума посмертно словно бы превращается в сурового мстителя.

Другое дело, что и пушкинская, и гоголевская «линия» была не только позднейшими исследователями, но уже и современниками Пушкина и Гоголя, а затем и писателями 40–60-х гг. XIX в., да и, пожалуй, позже, характерным образом редуцирована. В результате этой редукции «маленький человек» был призван стать своего рода иллюстрацией жестокого социума, жертвой «недолжной» русской действительности, вечным укором «царизму». При этом сам герой лишался как пушкинской, так и гоголевской многомерности, объективировался и овнешнялся, из *субъекта* художественного мира он превращался в *объект* для всевозможных, преимущественно социологических, манипуляций — т. е. лишался самодостаточности, воспринимаясь как функция, или, в пределе своем, — *личность* становилась *вещью*.

Похожим образом обстоит дело и с восприятием героя первого опубликованного произведения Достоевского — Макара Девушкина из «Бедных людей». При сопоставлении интерпретаций этого образа отчетливо видны те или иные исследовательские установки, подходы к творчеству Достоевского в целом, к литературе — и в конечном пределе к пониманию человека как такового.

В настоящей статье нас интересуют не столько нюансы в осмыслении образа Макара Девушкина (эгоист он или альтруист? Любит Вареньку отеческой любовью или видит в ней женщину? и т. д.), сколько сам подход к герою, исследовательская позиция по отношению к нему.

Изначально доминантой в интерпретации образа «маленького человека» вообще и героя «Бедных людей» Достоевского в частности, опять-таки с легкой руки Белинского, стала социальная обусловленность характеров. Как тенденциозно «филантропическое», и потому не художественное, т. к. лишенное «бесцельного творчества» [1, с. 139], было воспринято это произведение даже и критиками, далекими от установок Белинского (см., например, об оценке С. П. Шевырева и А. В. Никитенко: [27, с. 474]). А. П. Дмитриев по этому поводу пишет:

Аксаковы еще до знакомства с произведениями Достоевского были преубеждены против него. <...> скорее всего, особенно повлияло то, что Достоевский выдвигался западнической партией во главе с В. Г. Белинским как бы в противовес Гоголю с его «славянофильским духом» [7, с. 158].

Таким образом с самого начала герой «Бедных людей» стал восприниматься *функционально*. Важную роль в утверждении такого подхода сыграла статья Н. А. Добролюбова с характерным названием «Забитые люди». Для критика суть романа Достоевского заключается в анализе «аномалий нашей бедной действительности», а достоинство в том, что писатель «умел выразить свой высоко гуманный идеал», отыскать «живые, никогда не заглушимые потребности человеческой природы» — а именно «запратанный протест личности против внешнего, насильственного давления» (курсив наш. — И. Е., Ю. С.), который оказывается даже в «забитом, потерянном, обезличенном человеке» [8, с. 248]. Именно социальный протест для Добролюбова — лучшее и высшее проявление, которое может быть у «забитых людей», сами же по себе они или добрые их качества критика не интересуют. В. А. Викторovich, размышляя об оценке «Бедных людей» Добролюбовым и об авторской интенции Достоевского, пишет:

Так далеко разошлись контексты понимания автора и критика, персонифицирующего определенный контингент читателей. То, что для одних — реальное воскресение личности под воздействием животворящего духа братства и милосердия, для других — «полное признание своего ничтожества» (Добролюбов), разумеется, в перспективе спасения «ничтожных» грядущими и уже не «забитыми» личностями, «имеющими в себе достаточную долю инициативы» (Добролюбов) [6, с. 138–139].

Эта линия была авторитетной в дореволюционной критике и стала центральной (и долгое время единственной) в советском литературоведении, в т. ч. как наглядная репрезентация *критического* реализма (см.: [10]). Так, для Г. М. Фридендера «тема защиты человеческого достоинства “бедных людей”» «тесно» связана именно и только с «передовыми демократическими и утопическими социалистическими идеями эпохи» [26, с. 406]. Не что иное, как «утопический социализм» побуждает Достоевского искать в «маленьком»

человеке «большого», т. е. такого человека, «который способен благородно действовать, благородно мыслить и чувствовать, несмотря на свою нищету и социальную приниженность» [26, с. 406–407]. Для Фридлиндера «большой» человек значит человек протестующий, способный «критически взглянуть на окружающий мир». И потому исследователь находит, что «разрушение прочности старых, сословных устоев, рост общественного неравенства и деклассации, особенно заметные в городе, являются не только отрицательными, но и положительными социальными факторами» [26, с. 407], поскольку помогают героям вопреки скованности «их сознания различного рода предрассудками, критически взглянуть на окружающий мир», порождают «у них более высокие, по сравнению с представителями общественных верхов, моральные идеалы и представления» [26, с. 407]. В этой традиции толкования «маленький» человек, сведенный к «ветошке», оценивается только с точки зрения его способности к протесту, присущая же героям «безропотность, их молчаливая покорность, их деятельная доброта» [25] остаются незамеченными или же воспринимаются как недожная слабость. Обобщая такого рода интерпретации, уместно привести беллетристический комментарий А. Труайя к оценке Белинским «Бедных людей»:

Он не угадал, что Макар Девушкин нечто большее, чем просто жертва, ибо добровольно, сам выбрал для себя этот удел. Он увидел в «Бедных людях» повод для пробуждения чувства гражданственности, но не увидел призыва любить человека. Он возмущался палачами — и забыл восхититься мучениками [25].

Спектр подобных интерпретаций, овнешняющих изображаемого автором героя, и сейчас остается весьма влиятельным, хотя в постсоветское время появилось немало различных вариантов его пересмотра. Принципиально иначе взглянуть на проблему попытался в свое время М. М. Бахтин, заметив, что «уже в первом произведении Достоевского изображается как бы маленький бунт (но отнюдь не социальный. — *И. Е., Ю. С.*) самого героя против заочного овнешняющего и завершающего подхода литературы к “маленькому человеку”» [3, с. 68], иными словами, как к «вещи».

Девушкин увидел себя в образе героя «Шинели», так сказать, сплошь исчисленным, измеренным и до конца определенным: вот ты весь здесь, и ничего в тебе больше нет, и сказать о тебе больше нечего. Он почувствовал себя безнадежно предрешенным и законченным, как бы умершим до смерти, и одновременно почувствовал и неправду такого подхода. Этот своеобразный «бунт» героя против своей литературной завершенности дан Достоевским в выдержанных примитивных формах сознания и речи Девушкина. Серьезный, глубинный смысл этого бунта можно выразить так: нельзя превращать живого человека в безгласный объект заочного завершающего познания [3, с. 68–69].

Позже против такого «овнешнения» человека, сведения всего его внутреннего мира к математической очевидности наподобие $2 \times 2 = 4$ взбунтуется подпольный парадоксалист, вопросы о возможности сведения личности к «твари дрожащей», о возможности чудом воскресения победить тленную природу и т. д. будут мучать многих героев писателя (см.: [12; 15; 23; 24]).

Однако задолго до Бахтина именно как к личности отнесся к Макару Девушкину один из первых критиков романа В. Н. Майков, сразу же уловивший интерес Достоевского к «личности индивидуума», вторичность в изображении общества, важность социума именно в свете влияния на личность. Об отношении Девушкина и Вареньки В. Н. Майков размышлял именно как о *человеческих*, вспоминая свой собственный жизненный опыт и апеллируя к опыту читателя («Кто потрудится пошевелить свои воспоминания, тот на-верное вспомнит...» [20]).

В позднесоветское и постсоветское время появилось немало оригинальных трактовок творчества Достоевского в целом и героя его первого романа в частности, но они, если разобраться, так или иначе продолжают эти две выделенные нами линии отношения к человеку: как к *вещи* или как к *личности*. На первый взгляд, отмечая как «гуманистическую» традицию, так и бахтинский подход, посмотреть на «маленького человека» и на творчество Достоевского в целом предлагает С. Г. Померанц, выдвигая свой критерий для «оценки» русской классики — «европейский счет». Именно он для Померанца, очевидно, является высшим критерием художественной ценности. «Пафос» «Бедных людей», по мнению исследователя, «по европейскому счету целиком принадлежит концу восемнадцатого столетия» [21, с. 36]. Хотя кое-что и «было шедевром для 1845 г.», однако же, что «очень ново и оригинально для русского общества... вообще говоря, совсем не ново и не оригинально» [21, с. 37].

Исследователь дает весьма суровую оценку «предшественнику» Девушкина:

Башмачкин изображен Гоголем еще наполовину в духе реализма XVII в., чуждого идее развития, — как жалкий идиот, ни на что не способный, кроме переписывания бумаг. Конечно, этот идиот страдает и вызывает жалость... но ведь и лошадь можно пожалеть. Кстати сказать, лошади у Льва Толстого (Холстомер или Фру-фру) гораздо человечнее, разумнее, свободнее в своих поступках, чем Акакий Акакиевич. Гуманность Гоголя, чувство родства с униженным и поруганным братом проявляется только в лирических отступлениях. Объективно Башмачкин изображен как червяк [21, с. 36–37].

Заметим, что в точности такое же отношение к герою можно найти и в самом внутреннем мире произведения — это отношение «молодых чиновников, которые подсмеивались и острили над ним, во сколько хватало канцелярского остроумия». Редкостное единение исследователя и персонажей...

Суть аксиологической позиции Померанца видится в самом проходном для автора синтаксическом построении, о котором сам исследователь вряд ли задумывался. Настолько для него стоящее за этой фразой мироощущение (или, пользуясь его же словосочетанием, *чувство жизни*) естественно и как бы самоочевидно. Померанцу необходимо обосновать отнесение «Бедных людей» к произведениям «реализма XVIII в., просветительского, или, лучше сказать, сентименталистского реализма» [21, с. 36]. При этом оказывается «важно, кто в ней (повести. — И. Е., Ю. С.) чувствителен, — маленький человек, ничтожество, которого топчут, не оглядываясь, сильные мира сего» [21, с. 36]. Для Померанца важнее именно социальная дистанция между «маленьким человеком» и «сильными мира сего», которые этого человека «топчут». Раз

«маленький человек» слаб, он автоматически получает статус «ничтожества», лишается любви, интереса и даже сочувствия. Автор не стесняется признать, что ему непонятно: зачем же вообще писателю «копаться в этой ветошке»? Для него слова «маленький человек» и «ничтожество» — слова одного аксиологического ряда, однородные члены, синонимы, потому он и ставит между ними запятую. А одно из открытий русской литературы в том и состояло, что синонимичность эта мнимая, поэтому ставить запятую между этими словами даже «по европейскому счету» вряд ли нравственно. Вот, видимо, и вся суть отличия между менталитетом исследователя и менталитетом русской литературы. Как бы ни отличались между собой по своей сути анализ, интерпретации и понимание (см.: [16]) Достоевского, в каждой из этих методологических установок в той или иной степени следует учитывать необходимость аксиологического созвучия сознания исследователя доминантным установкам самого писателя. В противном случае — каждый раз по-своему — как художественная система Достоевского, так и в целом его наследие подвергаются опасности искажения — вплоть до подмены предмета тем или иным симулякром.

Казалось бы, принципиально иначе и с опорой на бахтинскую концепцию старается подойти к образу Макара Девушкина К. А. Баршт, но и у него при ближайшем рассмотрении «маленький человек» превращается в функцию, однако уже не для раскрытия «гуманизма» Достоевского, а для иллюстрации жизненного выбора самого писателя.

Баршт делает упор на своего рода автобиографичности героя, отмечая, что

фабульная основа «Бедных людей» тематически связана с историей создания Достоевским своего первого произведения, соединяющего в одно целое две судьбы молодого Достоевского, в те годы мелкого чиновника и начинающего литератора, и одновременно «нелитературное» и «литературное» письменное слово. За «гоголевской» темой теряющего остатки человеческого облика «бедного чиновника» скрывается иная — об обретении начинающим писателем своего первого читателя, о выходе из состояния «запустения» творческих сил человека, скованных низким социальным статусом [2, с. 262].

Главный акцент Баршт также делает на борьбу человека со средой и с монотонностью переписывания, которые, по мнению исследователя, должны бы «выбить из него возможные творческие задатки и авторские интенции» [2, с. 263]. Макар Девушкин до переписки с Варенькой характеризуется исследователем как «еще один “Башмачкин”», утерявшая «все человеческие черты» «ходячая “машина для письма”», «безгласное “социальное животное”» [2, с. 281]. В дальнейшем через «письменное изложение своего личного видения мира» герой творчески преобразуется, превращаясь в «незаурядного художника слова» [2, с. 263]. По Баршту, перерождается не только герой, но и сам Достоевский:

Закончив художественное исследование вопроса, он сделал вывод и не стал жертвовать лучшей частью жизни в виде «тридцати годочков» беспорочной службы для проверки его правильности, но немедленно вышел в отставку и осуществил перевод своего собственного эпистолярного «мира на двоих», своей переписки с братом Михаилом, в форму литературного произведения [2, с. 263].

Как будто без подобного литературного опыта Достоевский и впрямь мог бы лет на тридцать застрять в канцелярии.

Таким образом, Баршт порывает с традицией интерпретации Девушкина как «маленького человека», но в то же время с самой традицией отношения к «маленькому человеку» исследователь вполне солидаризируется. Для него перестает быть «социальным животным» только герой Достоевского, причем для этого Девушкину нужно непременно переместиться в другую крайность — стать «незаурядным художником слова», а не просто «человеком». Башмачкин же так и остается для Баршта «утерявшим все человеческие черты» существом — *вещью*.

Иначе с этой традицией соотносится интерпретация В. Е. Ветловской, которая, на первый взгляд, наследует линии социальной трактовки «Бедных людей» как произведения «натуральной школы», так или иначе прямо солидаризируясь с В. Я. Кирпотиным, В. И. Кулешовым, В. В. Виноградовым и другими исследователями, пусть с некоторыми нюансами, но прочитывавшими первый роман Достоевского именно как социальный роман в духе «натуральной школы». Для Ветловской Достоевский — «единомышленник» Белинского, хотя и «до известной степени, и то — в известных границах» [4, с. 7]. Несчастья героев исследовательница трактует именно как следствие «общественного неравенства» и видит пафос Достоевского в обличении «извращающей» души людей «социальной иерархии» [5, с. 79–80]. Вместе с тем, как верно замечает К. А. Степанян, Ветловская «указывает, что Достоевский здесь пишет не о “бедных людях”, а просто о людях» [22, с. 102], что сказывается и на интерпретации образа Макара Девушкина, который оценивается Ветловской как замкнутый на себе эгоист, неспособный понять Вареньку и скорее обременяющий ее своими «благдеяниями».

Подобную интерпретацию в свое время предложил В. Н. Майков, с ней, высоко оценивая анализ В. Е. Ветловской романа, солидаризируется и К. А. Степанян, но делает существенную поправку на то, что для Достоевского социальность как таковая была вторична. Свидетельство этому Степанян находит в переписке Достоевского с братом Михаилом, где

выражено миропонимание в духе платоновской философии, с последующими гностическими наслоениями (опять-таки в упрощенном виде): люди как эманация духов небесных, отягченных на земле брэнной плотью подвластной злу (или порожденной злым началом), и отсюда неизбежный антагонизм, раздвоенность человека, в котором борются возвышенные устремления с низменными [22, с. 93–94].

Полемизуя с социальной трактовкой причин несчастья «бедных людей», Степанян обращается и к евангельской проповеди Христа, отнюдь не призывавшего к «социальному» исправлению мира и не освобождавшего «кого-либо от личной ответственности по причине дурно устроенного общества» [22, с. 102].

С позиции *христианского реализма* к образу «маленького человека» подходит В. Н. Захаров [19]. Христианский реализм (который недопустимо понимать догматически-одномерно — ср.: [22, с. 9]) куда более адекватен для

русской классической литературы, нежели «критический реализм», сквозь призму которого десятилетиями рассматривалась и, тем самым, объективировалась русская литература (см.: [9; 10; 13; 14; 19]). Нужно подчеркнуть, что само понятие христианского реализма — явление совершенно иного семантического ряда, нежели принятые обозначения литературных направлений (классицизма, сентиментализма, романтизма, реализма): речь идет о транс-историческом *творческом принципе*, который проявляет себя в литературе и искусстве христианского типа культуры.

Захаров утверждает, что в художественном мире Достоевского нет ни «лишних», ни «маленьких» людей: «У него каждый человек велик. Даже Макарь Девушкин, социально ничтожный герой первого романа Достоевского...» [17, с. 44] Согласно другой формулировке того же исследователя,

у Достоевского нет маленьких людей — каждый безмерен и значим, у каждого — свое Лицо. У других писателей герой зачастую меньше автора — Достоевский умел явить величие простого человека <...> Герой Достоевского подчас неведом самому себе, непредсказуем не только для читателя, но и для автора. У него всегда есть заветное «вдруг» — неожиданный «переворот» во мнениях и поступках, «перерождение убеждений» — преображение личности [18, с. 32–33].

Действительно, добавим от себя, Достоевский художественно убедительно показал и, тем самым, доказал, что и «маленький» человек может быть и добрым, и злым, и талантливым, и бездарным. Он только лишь не может быть, собственно, «маленьким» (а может только лишь *казаться* таковым). Однако можно ли утверждать, что такой подход к человеку присущ исключительно Достоевскому? По-видимому, он характеризует русскую литературу как таковую — в ее вершинных проявлениях.

Русская литература создает шедевры, которые как в тексте, так и в подтексте наследуют трансисторической христианской традиции в понимании мира и человека. В этих произведениях память этой традиции живет в давно уже секулярном мире, но эта секулярность все-таки так или иначе помнит о своих христианских истоках. Поэтому — в вершинных произведениях отечественной классики — до тех пор, пока русская литература в своем культурном бессознательном наследует христианской традиции, — и «маленький человек» не может быть вполне объективирован, овнешнен, обезличен, т. е. как бы выведен за пределы христианского представления о человеке. В русской литературе — в ее магистральном векторе — «маленький человек» вовсе не является «вещью»: «простым», т. е. одномерным существом, которое, будучи вполне объективировано, словно бы лишено божественного Лица.

Можно было бы рассмотреть немало других исследовательских трактовок «Бедных людей», но в рамках статьи и ее задач это представляется излишним. Интерпретации образа «маленького человека» вообще и Макара Девушкина в частности можно разделить на те, что подходят к своему предмету изучения именно как к объекту, как к *вещи*, воспринимают его функционально, а не самоценно, и потому вне зависимости от того, превозносят ли они героя или же принимают за ничтожество, такие интерпретации выходят за спектр адекватных толкований произведений Достоевского. Те же трактовки, которые

учитывают неповторимую личность Макара Алексеевича (обвиняется ли он при этом в эгоизме, или же напротив) входят в спектр адекватности, далее уже — спор об оттенках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. А. Кошелева. — М.: Искусство, 1995.
2. Баршт К. А. «Бедные люди» Достоевского в литературном и историко-культурном контексте // Достоевский: материалы и исследования. — СПб., 2010. — Т. 19. — С. 259–281.
3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. — М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. — Т. 6.
4. Ветловская В. Е. Достоевский в 1840-е годы: литературные переключки в «Бедных людях» // Русская литература. 2013. — № 4. — С. 5–26.
5. Ветловская В. Е. Роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди». — Л.: Художественная лит-ра, 1988.
6. Викторovich В. А. «Выяснение таланта» в полемике Н. А. Добролюбова с Ф. М. Достоевским // Проблемы исторической поэтики. 2020. — Т. 18. — № 3. — С. 129–143.
7. Дмитриев А. П. К оценке «Бедных людей» и «Двойника» Ф. М. Достоевского в семье Аксаковых (по переписке В. С. Аксаковой и М. Г. Карташевской) // Два века русской классики. 2020. — Т. 2. — № 1. — С. 154–167.
8. Добролюбов Н. А. Забытые люди // Добролюбов Н. А. Собр. соч.: в 9 т. — М.; Л.: Гос. изд-во художественной лит-ры, 1963. — Т. 7. — С. 225–275.
9. Есаулов И. А. Евангельский текст в русской литературе и современная наука // Проблемы исторической поэтики. — 2011. — № 9. — С. 5–23.
10. Есаулов И. А. Критический реализм // Соцреалистический канон / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. — СПб.: Академический проект, 2000. — С. 503–508.
11. Есаулов И. А. О сокровенном смысле «Станционного смотрителя» А. С. Пушкина // Проблемы исторической поэтики. — 2012. — № 10. — С. 25–30.
12. Есаулов И. А. Пасхальный архетип в поэтике Достоевского // Проблемы исторической поэтики. — 1998. — № 5. — С. 349–362.
13. Есаулов И. А. Христианский реализм как художественный принцип Пушкина и Гоголя // Четвертые Гоголевские Чтения: Гоголь и Пушкин. — М.: Книжный дом «Университет», 2005. — С. 100–108.
14. Есаулов И. А. Христианский реализм как художественный принцип русской классики // Феномен русской духовности. — Калининград: РГУ имени И. Канта, 2007. — С. 9–20.
15. Есаулов И. А. Человек-вещь и христианское сознание // Грани. — 1994. — № 171. — С. 259–275.
16. Есаулов И. А., Сытина Ю. Н. Объяснение, интерпретации и понимание в изучении и преподавании литературы // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология. Журналистика. — 2019. — № 2 (42). — С. 21–25.
17. Захаров В. Н. Достоевский и Бахтин в современной научной парадигме // Достоевский и мировая культура: альманах. — СПб., 2008. — Вып. 24. — С. 43–50.
18. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. — М.: Индрик, 2013.

19. Захаров В. Н. Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. — 2001. — № 6. — С. 5–20.
20. Майков В. Н. Нечто о русской литературе в 1846 году. — URL: http://www.azlib.ru/m/majkow_w_n/ (дата обращения — 15.05.2020).
21. Померанц Г. С. Открытость бездне: Встречи с Достоевским. — М.: Советский писатель, 1990.
22. Степанян К. А. Явление и диалог в романах Ф. М. Достоевского. — СПб.: Крига, 2010.
23. Сытина Ю. Н. О бытовании формулы « $2 \times 2 = 4$ » в русской классике и о ее возможных истоках // Два века русской классики. — 2019. — Т. 1. — № 1. — С. 128–147.
24. Сытина Ю. Н. О некоторых особенностях «арифметики» Достоевского // Вестник РХГА. — 2019. — Т. 20, вып. 2. — С. 287–299.
25. Труайя А. Федор Достоевский. — URL: https://royallib.com/read/truayya_anri/fedor_dostoevskiy.html#0 (дата обращения — 15.05.2020).
26. Фридлендер Г. М. «Бедные люди» // История русского романа: в 2 т. — Л.: АН СССР. — Т. 1. — С. 403–415.
27. [Фридлендер Г. М.] <Вводная заметка к примечаниям> // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — М.: Изд-во АН СССР, 1976. — Т. 1. — С. 464–480.
28. Шмелев И. С. Собр. соч.: в 5 т. — М.: Русская книга, 1999. — Т. 7 (доп).